

Андрей Плотников

Тайна смерти Рудольфа Гесса

Дневник надзирателя
Межсоюзной тюрьмы
Шпандау

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)63
ПЗ9

Плотников, Андрей Николаевич

ПЗ9 Тайна смерти Рудольфа Гесса: Дневник надзирателя Межсоюзной тюрьмы Шпандау — М.: Кучково поле, 2018. — 384 с.: ил.; 24 л. ил.

ISBN 978-5-9950-0914-6

Рудольф Гесс — один из самых таинственных иерархов нацистского рейха. Тайной окутана не только его жизнь, но и обстоятельства его смерти в Межсоюзной тюрьме Шпандау в 1987 году. До сих пор не умолкают споры о том, покончил ли он с собой или был убит агентами спецслужб. Автор книги — советский надзиратель тюрьмы Шпандау — провел собственное детальное историческое расследование и пришел к неожиданным выводам, проливающим свет на истинные обстоятельства смерти «заместителя фюрера».

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)63

*Посвящается моей жене и детям,
а также всем друзьям и коллегам,
с кем рядом жил и работал в Германии*

ISBN 978-5-9950-0914-6

© Плотников А. Н., текст,
иллюстрации, 2018
© ООО «Кучково поле», 2018

ДНЕВНИК НАДЗИРАТЕЛЯ ШПАНДАУ

Первое знакомство (7 января 1986 года)

— *Are you from KGB, Mr. Plotnikov?** — этим вопросом сразу после знакомства и рукопожатия озадачил меня британский надзиратель господин Босуорт. Сегодня 7 января 1986 года, и я первый раз в должности надзирателя Межсоюзной тюрьмы для военных преступников Шпандау, или коротко МТШ, приехал на работу. Мы встретились с Босуортом рано утром в столовой для персонала тюрьмы. Что должен ответить на такой вопрос молодой советский человек, впервые в жизни столкнувшись с живым представителем мира капитализма не через экран телевизора, а завтракая с ним за одним столом?

Босуорт положил себе на поджаренный кусок хлеба яичницу-глазунью и посмотрел на меня, как бы пытаясь заглянуть внутрь. Видно, что ему очень хочется привести меня в замешательство. Англичанин много лет проработал в МТШ, у него хорошие отношения с советским персоналом тюрьмы, однако каждому новому советскому сотруднику при первой встрече он задавал этот, как ему казалось, каверзный вопрос и оценивал реакцию нового человека. По существу, ответ на вопрос был очевиден и одинаков, а вот поведение людей разное. Мир

* Вы из КГБ, господин Плотников? (*англ.*)

разделен железным занавесом, и лишь единицы советских людей имеют возможность свободного общения с представителями капиталистических стран. По всему земному шару гуляет миф о всесильности Комитета государственной безопасности СССР, и в каждом советском человеке, приезжающем на Запад, обычные граждане готовы видеть сотрудника этой спецслужбы. Если бы такой вопрос мне задали на официальной встрече, то можно было бы назвать это провокацией и заявить протест. А кому заявлять протест здесь? Обеденный зал пуст, только мы вдвоем сидим за одним столом. Босуорт режет глазунью ножом, я наливаю молоко в тарелку с кукурузными хлопьями. Есть еще официантка испанка Эберхард, которая уже несет мне омлет. На кухне трудится повар египтянин Эль-Дин. Ему помогает уроженка Ганы Йаххорст. Может, заявить протест официантке?

— К сожалению, господин Босуорт, я не из КГБ, — отвечаю я с улыбкой, глядя прямо в глаза собеседнику, и продолжаю: — А вы очень боитесь КГБ? Даже здесь, в Западном Берлине?

— Да, конечно, боюсь. КГБ — это страшная организация, у нее свои люди по всему миру, — уже тоже с улыбкой продолжает англичанин и тут же добавляет: — А почему вы сказали — к сожалению?

— К сожалению, потому что зарплата сотрудников КГБ значительно выше моей.

Босуорт смеется, глаза его теплеют. Мой первый контакт с представителем капиталистического мира на уровне обычного человеческого общения, а не лозунгов политинформации, состоялся.

На дворе начало 1986 года. В мире бушует холодная война. Территория бывшего Третьего рейха живет в полном соответствии с законами, установленными для него странами-победительницами во Второй мировой войне, — разделена на четыре зоны оккупации. На территории советской зоны оккупации Германии создана Германская Демократическая Республика, на

землях трех зон оккупации западных стран — Федеративная Республика Германия, бывшая столица единой Германии — Берлин — также разделена на четыре оккупационных сектора. Советский сектор Берлина, так называемый Восточный Берлин, вошел в состав ГДР и получил название Берлин, став столицей Германской Демократической Республики. Три сектора, подконтрольных западным странам, образовали Западный Берлин.

В Западном Берлине под управлением четырех держав — победительниц во Второй мировой войне Великобритании, Франции, СССР и США — работает Межсоюзная тюрьма Шпандау*. В Советском Союзе к руководству Коммунистической партией недавно пришел новый молодой генеральный секретарь Михаил Горбачев. Среди его заслуг: начатая в СССР антиалкогольная кампания. Правительство Великобритании возглавляет «железная леди» Маргарет Тэтчер. За ее плечами: затухание вооруженного конфликта в Северной Ирландии и победоносная Фолклендская война. В Соединенных Штатах 40-й президент — Рональд Рейган. Он объявил Советский Союз «империей зла» и развернул программу, названную журналистами «звездными войнами» — Стратегическую оборонную инициативу (СОИ, или SDI), призванную полностью обезопасить США от ядерного удара. Во Франции президент — Франсуа Миттеран — социалист и сторонник размещения американских ядерных ракет в Европе.

В этой обстановке началась моя работа в Шпандау. Работа, которая продолжалась около двух лет и завершилась после смерти единственного на тот момент узника тюрьмы — Рудольфа Гесса, «заключенного № 7».

* Официальное английское название *Allied Prison Spandau* — *Союзная тюрьма Шпандау*. По-немецки она именуется *Alliiertes Kriegsverbrechergefangnis in Spandau* — Союзная тюрьма для военных преступников Шпандау.

Первый рабочий день, 7 января

Время близится к 8 часам утра. Мы заканчиваем завтрак и идем в МТШ. Сегодня я дежурю вместе со своей коллегой — советским надзирателем Андреем Березным. Его задача — ввести меня в курс дела, объяснить все тонкости новой работы, познакомиться с персоналом. Через дверь в больших воротах нас впускают во внутренний двор тюрьмы. Британский часовой замирает в положении «на караул». На воротах дежурит французский надзиратель Парамон. Он проверяет мой новенький пропуск в МТШ, Андрея он знает в лицо. Знакомимся с фран-

Межсоюзная тюрьма Шпандау в 1986 году.
Снимок из архива автора

цузом и вместе заходим в дежурную комнату. Мне показывают нехитрое убранство: стол, стул, холодильник, вешалка, диван, монитор с изображениями с видеокамер наблюдения, два разрешенных окна, шкаф с ключами от главных ворот и различных помещений тюрьмы, журнал несения дежурств. Желая Парамону хорошей работы и выходим во двор. Британский часовой снова берет «на караул». Приветствуем его кивком головы и проходим в главное здание МТШ.

Несмотря на более чем столетнюю историю и большие потрясения, доставшиеся Берлину в XX веке, основное здание МТШ хорошо сохранилось. Монументальное сооружение из красного кирпича построено в форме креста. Однако сейчас используется только первый этаж тюрьмы и часть полуподвального помещения. Мы открываем массивную высокую дверь, поднимаемся на несколько ступенек, проходим через просторный холл и упираемся в стену. Точнее — в железную дверь в стене. Видно, что стена сооружалась гораздо позже основного здания. Рядом с дверью находится кнопка звонка. Ответом на наш вызов была тишина. Только через минуту послышался лязг ключей в замке, нас пустили внутрь. Британский надзиратель Орвин, которого мы меняли на дежурстве, готов был уйти сразу же. Буквально на ходу мы представились друг другу, пожали руки. Орвин ушел, а мы запираем железную дверь на ключ и остаемся во внутренней части МТШ, или, как здесь говорят, в «блоке». На очередные восемь часов дежурства Андрей будет старшим дежурным надзирателем, или, по-местному, «чифом»*, а я буду ему помогать и учиться.

Камерный блок представляет собой часть первого этажа основного здания тюрьмы: длинный коридор с камерами по бокам. Значительная часть камер не используется и закрыта на ключ. Под диктовку Андрея я делаю запись в книге старшего дежурного надзирателя:

* От англ. *chief* — глава, командир.

«7 января 1986 года. 7 ч. 55 мин. SU дежурные Березный и Плотников дежурство по МТШ от УК деж. Орвина приня-ли. Состав смены: ворота — FR деж. Парамон, блок — УК деж. Босюрт». Официальным языком общения в МТШ считается немецкий. Но в книгах дежурств надзиратели ведут записи на своих родных языках, зачастую смешивая разные языки. Это считается нормой и не вызывает ни у кого никаких затрудне-ний. Вот и советские надзиратели, записывая ход дежурства на русском языке, используют сокращения:

SU — Советский Союз, советский;

FR — Франция, французский;

UK — Великобритания, британский;

US — США, американский.

Так же поступают и остальные надзиратели. Так как мно-гие записи в книге дежурств стандартные, то легко понять их смысл на любом используемом в МТШ языке.

Формальности окончены, дежурство принято, можно осмотреться. Комната старшего дежурного надзирателя на-ходится справа у входа в блок. Она перестроена из двух быв-ших камер. Под потолком два маленьких оконца в решетках, скудная обстановка: стол, стул, диван, холодильник. На стене четыре доски объявлений. Каждая сторона вывешивает на доске объявления для своих надзирателей. Там же висят ин-струкции надзирателям на всех постах. Андрей показывает одну из достопримечательностей МТШ и гордость советских надзирателей — шахматы. На внутренней стороне шахматной доски надпись на русском языке: «Для советского персонала в Зап. Берлине 14 июня 1965 г. Шпандау». Доска и шахматные фигуры изрядно потерты. Видно, что за 20 лет ими активно пользовались. Естественно, все советские надзиратели играют в шахматы. Но и среди западных представителей есть достой-ные соперники, особенно среди американцев. Как хорошо, что в детстве я немного увлекался шахматами и знаю, как ходят фи-гуры. Честь страны на международном уровне уронить нельзя!

Поговорив об особенностях отношений надзирателей раз-ных стран внутри МТШ, мы идем в комнату санитаря. Она на-ходится напротив комнаты старшего дежурного надзирателя через коридор. Судя по записи в книге дежурного, санитар Ме-лаоухи пришел в блок в 7.05. Тунисец по национальности, он единственный представитель несоюзного персонала, кому раз-решен вход в блок и общение с заключенным. Обязанности са-нитаря обширны: он следит за состоянием заключенного, моет, бреет, стрижет его, убирает в камере заключенного и в блоке в целом. Санитар, по согласованию с дирекцией тюрьмы, за-купает всякую мелочь для обеспечения жизни заключенного: туалетную бумагу, полотенца, бритвы, авторучки, носки, белье и прочие нужные вещи. Мелаоухи — дипломированный врач-реаниматор, и его основная обязанность — здоровье заклю-ченного. Поэтому каждое утро он осматривает пациента, инте-ресуется здоровьем, периодически измеряет пульс и давление. При необходимости следит за приемом лекарств, назначенных союзными врачами. Никаких самостоятельных назначений он делать не может. Сегодня Мелаоухи уже поинтересовался у за-ключенного самочувствием, измерил давление, помог сменить ночную пижаму на дневную одежду, поставил поднос с завтра-ком на столик у кровати и пожелал заключенному приятного аппетита.

Сейчас санитар возвращается в свой кабинет. Мы здоро-ваемся, я представляюсь. Мелаоухи рассказывает, что самочу-вствие «Деда» нормальное, спал хорошо, настроение в норме. Однако в связи с холодной ветреной погодой санитар рекомен-довал ему сегодня только одну прогулку. «Дед» согласился. У Мелаоухи хороший немецкий язык, но слово «Опа», в пе-реводе с немецкого — «Дед», Мелаоухи произносит как-то особенно, с придыханием. Я уже знаю, что называть заключен-ного по имени и фамилии — Рудольф Гесс — в тюрьме запре-щено. Обращаться же в соответствии с Уставом — «заключен-ный № 7» у многих сотрудников уже давно не поворачивается

язык. Чтобы найти выход из положения, по сложившейся, как я понял, уже длительное время традиции надзиратели обращаются к заключенному просто — «Вы». Заключенный отвечает тем же. Между собой сотрудники МТШ называют заключенного коротко — «Дед».

По длинному коридору идем к камере заключенного. Это самая дальняя камера в блоке, также перестроенная из двух смежных камер. В камере две двери, большие смотровые окна в дверях застеклены. В коридоре напротив камеры сидит в кресле британский надзиратель Босуорт, с ним мы сегодня уже встречались в столовой. Теперь он приветливо улыбается. Англичанин дежурит рядом с камерой, это называется «пост в блоке». На этом посту нет отдельного помещения для дежурного, только кресло и журнальный столик в коридоре. Через смотровые окна надзиратель может постоянно контролировать поведение заключенного, не заходя в камеру. Смотрим в окошко в двери. В камере старый человек, сидя на медицинской кровати, ест ложкой кашу. На груди за ворот рубашки заткнута салфетка. Судя по движениям челюстей, аппетит у старика хороший. Это и есть последний заключенный тюрьмы Шпандау — «заключенный № 7».

Мы с Андреем входим в камеру, здороваемся. «Номер семь» прекращает жевать, здоровается в ответ. Заключенному девяносто один год, и я отмечаю, что для своего возраста он выглядит довольно хорошо. Густые брови и глубоко посаженные глаза создают вид угрюмого настороженного человека.

— Моя фамилия Плотников, я новый советский надзиратель.

«Номер семь» внимательно смотрит на меня, кажется, что его глаза колются:

— Вы из Москвы?

Объясняю, что я не из Москвы, а из Краснодара. Заключенный просит уточнить, где это. Рассказываю, что город находится на юге Советского Союза, что это центр большого края,

простирающегося от реки Дон до Черного моря. Судя по всему, «номер семь» пытается представить себе, где все-таки находится Краснодар, но, видно, что он такого города не помнит.

— Река Дон — это рядом? — вдруг спрашивает он.

Я подтверждаю, что недалеко. Видать, с памятью у старика, как и с аппетитом, тоже неплохо. Вдруг он теряет к разговору всякий интерес, глаза опускаются, он вновь занялся едой. Мы выходим из камеры.

Рядом с камерой заключенного расположен лифт. Он построен всего два года назад и используется для вывода «заключенного № 7» на прогулку в сад. В торце коридора есть металлическая винтовая лестница. Она также ведет в сад и на верхние этажи тюрьмы. До постройки лифта заключенного водили на прогулку по ней. Осматриваем помещение за помещением. Помимо камеры «заключенного № 7» и неиспользуемых закрытых на ключ камер в блоке есть телевизионная комната — спаренная камера, в которой установлен большой цветной телевизор «Филипс». Есть гардероб, библиотека, ванная, санузел. У надзирателей свой санузел. Все это бывшие камеры, приспособленные под определенные нужды, в том числе в качестве кладовых. В одной из кладовых хранятся личные вещи заключенного, которые были при нем еще в мае 1941 года, когда он прилетел в Англию.

Внутреннюю охрану МТШ, то есть непосредственную охрану «заключенного № 7», осуществляют надзиратели четырех государств. От каждой страны по пять надзирателей, итого 20 человек со всего мира. С сегодняшнего дня в их состав вхожу и я. Дежурство ведется круглосуточно на трех постах: при входе в камерный блок (старший дежурный надзиратель), непосредственно у камеры заключенного (пост в блоке) и у входных ворот. График дежурств составлен таким образом, что на смене одновременно находятся представители трех стран. У четвертой страны перерыв, здесь это называется «пауза». Смена надзирателей производится три раза в сутки: в 0.00, 8.00 и 16.00.

Старший дежурный надзиратель заступает на свой пост на все восемь часов дежурства. А надзиратели в блоке и у ворот меняются местами через четыре часа, то есть дополнительно в 4.00, 12.00 и 20.00. Таким образом, исключается возможность принятия любой из стран односторонних мер в отношении заключенного и все надзиратели в течение своей смены имеют возможность непосредственно видеть своего подопечного.

Итак, первое знакомство с «рабочим местом» закончено, можно выпить кофе и уточнить особенности работы.

Рабочая одежда, 9 января

Сегодня мое первое самостоятельное дежурство. Я дежурю с 00.00 часов на посту у главных ворот. Вокруг тишина. За окном в лучах прожектора медленно падает снег. Очень похоже на русскую зиму. Ночью на посту делать особо нечего. Картинка на видеомониторе, кажется, застыла. На тумбочке в углу нахожу несколько газет и журналов. Их оставили другие надзиратели после прочтения. Не спеша перелистываю страницу за страницей, знакомясь по этим изданиям с новым для меня западным миром, с новым образом жизни. Неожиданно в старой газете *Die Welt* за декабрь месяц вижу карикатуру, изображающую поздравление советским генералом «заключенного № 7» с 91-м днем рождения. Подпись под рисунком гласит: «Почетному гражданину Советского Союза долгой жизни!» Что значит данная подпись? Почему этот рисунок опубликован в декабре, когда «номер семь» отметил свой день рождения еще в апреле? Много неизвестного предстоит мне еще здесь постичь.

За чтением время пролетело незаметно. Около четырех часов утра послышался стук в дверь, и в комнату вошел пожилой человек невысокого роста.

— Доброй ночи! Моя фамилия Фаулер, американский надзиратель, — представился он.

„Dem Ehrenbürger der Sowjetunion ein langes Leben!“

«Почетному гражданину Советского Союза долгой жизни!»

Я ждал его прихода. Теперь на воротах будет дежурить Фаулер, а мне предстоят очередные четыре часа дежурства в блоке. Делаю запись в книге дежурства, беру ключи от блока и иду в здание тюрьмы. Старший смены сегодня французский надзиратель Пэнсар. Мы поздоровались, француз молча сделал запись в книге. Никаких вопросов. Все надзиратели знают друг друга, и всем уже известно, что у русских появился новый сотрудник. Чужие здесь не ходят!

По длинному коридору иду к камере заключенного. В ночной тишине эхом отдаются шаги по каменному полу. Невольно стараюсь не шуметь. Свет в коридоре выключен, только на посту надзирателя горит настольная лампа. Заглядываю в окошко двери. Камера освещена легким синим светом, что позволяет видеть всю обстановку. «Номер семь» спит на спине, укрывшись одеялом, рот слегка приоткрыт. Голова приподнята довольно высоко, медицинская кровать позволяет регулировать подъем. Убеждаюсь, что заключенный спокойно дышит, и сажусь в кресло дежурного. Можно что-нибудь почитать.

В 8.00 меня сменил на посту французский надзиратель Деденон. Я позавтракал в столовой, но отправляться домой мне пока рано. Сегодня предстоит еще одна важная задача — приобретение рабочей одежды. Каждому новому надзирателю полагается: 1 пальто, 1 плащ, 1 костюм, 2 рубашки, 2 галстука, 1 пара обуви. Одежда приобретается за счет бюджета МТШ в одном из берлинских магазинов. Ответственной за обеспечение одеждой является британская сторона. Поэтому вместе с британским надзирателем Уитли мы отправляемся в магазин «С&А» в районе Курфюрстендамм. Советские надзиратели между собой называют магазины этой компании «Советской Армией», так как аббревиатура фирмы напоминает буквы на погонах советских солдат — «СА».

Выбор одежды в магазине впечатляет советского человека: цвета, фасоны, размеры на любой вкус. Московский ГУМ мог бы позавидовать такому многообразию. Уитли здесь хорошо знают, поэтому управляющий, одетый в жилетку, ведет нас в отдельную комнату, предлагает кофе. Англичанин поясняет мне, что в большом зале выставлены только образцы, основная часть товара находится на складе. Вежливый управляющий ловко снимает с меня мерки, уточняет пожелания, дает указания продавцам. Я не успеваю допить свою чашку кофе, как в комнату начинают приносить и развешивать на специальной стойке различные вещи. С галстуками определяюсь быстро: им положено быть черными однотонными, выбора нет. С рубашками тоже: одна белая, другая голубая. Это стандартный набор. С костюмом сложнее. Никаких конкретных требований к нему нет, просто нужен темный костюм. Уитли советует брать пиджак с двумя брюками, так выгоднее. Оказывается, есть костюмы в таком комплекте! Никогда раньше не слышал. Примерив несколько моделей, останавливаюсь на темно-сером костюме. У него, правда, только одни брюки, но фасон пиджака очень нравится. Два невиданных мной ранее кармана на правом боку, один над другим, придают ему свое-

образный шарм. Только одна проблема — брюки длинноваты. Хотя нет, это не проблема. Управляющий замеряет нужную длину и обещает, что сейчас все будет в порядке. Пока я выбираю пальто и туфли, брюки возвращают подшитыми, длина в норме. Я долго решаю, какой взять плащ. Есть два прекрасных образца, черного и светлого бежевого цвета. После колебаний и советов с Уитли выбираю длинный черный плащ. Продавцы раскладывают мои обновки в красивые пакеты с надписью «С&А» и помогают загрузить в машину. Можно отправляться домой.

Межсоюзная тюрьма, 11 января

В 8.00 заступил на дежурство в блок. К моему приходу заключенный уже проснулся. Санитар Мелаоухи провел медицинский осмотр, помог ему переодеться и справиться с утренними процедурами. Тележка с завтраком для заключенного стоит пока в коридоре. Шаркающей походкой, опираясь на палку, «номер семь» мимо меня возвращается из умывальной комнаты в свою камеру. На секунду останавливается рядом, поднимает голову, изучающе смотрит на меня, как бы убеждаясь, что знаком со мной, и молча продолжает движение. В камере он взгромождается на кровать. Санитар приподнимает изголовье, чтобы было удобно сидеть, ставит на откидной столик завтрак, желает приятного аппетита и уходит.

«Номер семь» медленно ест, периодически останавливаясь. Иногда он засыпает, потом просыпается, открывает глаза и продолжает жевать. Завтрак затягивается. Есть время вкратце познакомиться с историей и особенностями тюрьмы.

По поручению Международного военного трибунала в Нюрнберге Контрольный совет над Германией и Межсоюзная комендатура в Берлине приняли решение об использовании в качестве места для отбытия наказания главными немецкими военными преступниками старого тюремного

НЮРНБЕРГСКИЙ ТРИБУНАЛ (Осень 1986 года)

Новый пастор, 8 октября

Завершив первую часть дневного дежурства на воротах, я пообедал и теперь продолжаю смену в блоке. «Заключенный № 7» тоже пообедал и отдыхает, лежа на кровати. Сегодня запланировано первое посещение заключенного новым пастором. С конца июня, когда пастор Габель был уличен в активной деятельности по осуществлению контактов заключенного с внешним миром и отстранен от посещения Шпандау, «номер семь» оставался без пастырского общения. За три месяца французская сторона подобрала нового духовника для миссии в МТШ. Сегодня первый визит.

Без пятнадцати минут два в камере заключенного начал сигналить будильник. Это является обычной практикой: «номер семь» контролирует свой сон, а сейчас явно готовится к новой для себя встрече. Он долго потягивается, разминается в кровати, потом встает и медленно идет в туалет.

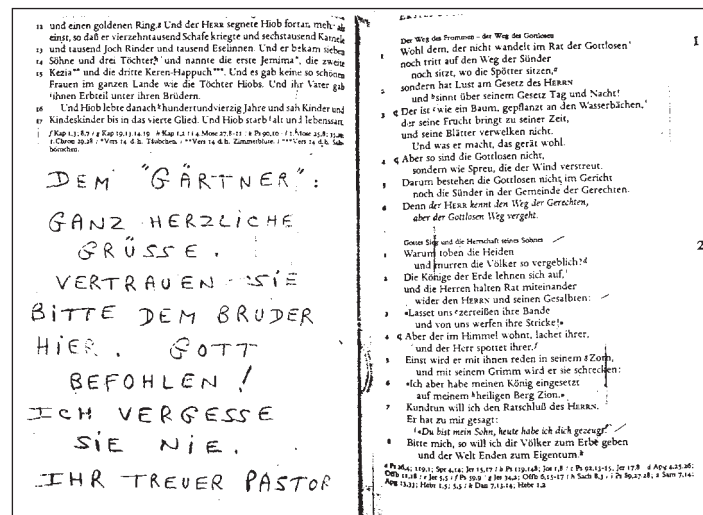
Ровно в 14.00 раздается звонок у входа в блок. Старший дежурный надзиратель француз Парамон открывает дверь. Через минуту новый пастор в сопровождении Парамона подходит к камере.

— Пастор Мишель Рериг, — представляется прибывший. На груди пастора крест поверх сутаны, в руках Библия. Глаза пастора постоянно бегают из стороны в сторону, руки слегка дрожат, чувствуется, что он сильно волнуется. Это и понятно, не

совсем обычный прихожанин появляется в его приходе. Я даю добро, и пастор заходит в камеру.

Неспешная беседа в камере заключенного продолжается в другой камере, приспособленной для проведения религиозной службы. Потом пастор с заключенным слушают церковную музыку, затем пастор читает вслух Библию. Служба идет своим чередом. За три месяца, пока у «номера семь» не было пастора, западная бульварная пресса много раз писала о том, что бедный заключенный остался без пастырского покровительства. Теперь пастор есть, значит, одним поводом для газетных «сенсаций» стало меньше.

Служба закончилась, пастор проводил заключенного в камеру и собирается уходить. Я сопровождаю его по длинному тюремному коридору. Интересно, почему он по-прежнему волнуется? Ведь служба завершилась. Интересуюсь у него, как прошла служба? Краткий ответ — все хорошо. Я прошу пастора показать мне Библию, которая у него в руках. Лицо пастора

Записка от пастора Габеля «заключенному № 7»,
сделанная в Библии пастора Рерига

бледнеет, кажется он готов упасть в обморок. Он протягивает мне книгу. Я веером быстро пролистываю фолиант в кожаном переплете и нахожу на одной из страниц запись, сделанную от руки.

Простым карандашом на странице Библии по-немецки написано: *«Садовнику: От всего сердца приветствую. Доверяйте, пожалуйста, брату. Бог велит! Я Вас никогда не забуду. Ваш дорогой пастор»*.

Ясно, что бывший пастор Габель проинформировал нового пастора в отношении своей незаконной деятельности и, вероятно, дал какие-то инструкции. А чтобы у «заключенного № 7» не возникало сомнений в новом священнике, написал такое рекомендательное письмо. Однако в соответствии с Уставом МТШ подобное общение с заключенным должно пресекаться. Я показываю старшему дежурному надзирателю Парамону Библию, объясняю ситуацию. Он выглядит слегка смущенным, вероятно, от того, что Рериг его соотечественник. Но делать нечего, он обязан теперь записать этот случай в журнал дежурств и доложить директорам. Я возвращаюсь на свое место работы к камере заключенного.

Пайкл, 14 октября

Ночная смена, я старший. На доске объявлений в комнате старшего смены вывешено новое сообщение, что решением директоров МТШ пастор Рериг на две недели не допускается в тюрьму. Представляю, как непросто приходится французскому директору объясняться с коллегами. Ведь это французские пасторы уже дважды ставят его в очень неловкое положение.

Американец Пайкл, дежурящий в блоке, приходит ко мне в комнату, заваривает кофе. Пайкл недавно в МТШ, он заменил ушедшего на пенсию Робинсона. Я предлагаю сыграть партию в шахматы, но американец отказывается. В отличие от Робинсона он не любитель этой игры. Пайкл располагается на диване,

отхлебывает кофе, наша беседа ни о чем идет еле-еле. Пытаюсь узнать его мнение о недавней исторической встрече в Рейкьявике Рейгана и Горбачева*. Далеко не каждый день встречаются президент США и генеральный секретарь ЦК КПСС. Но Пайкл, опять же в отличие от своего предшественника, совсем не интересуется политикой, о встрече лидеров двух государств он ничего не знает.

Мы говорим о погоде, затем разговор заходит о западно-берлинской полиции, которая снова выставила мобильный пост недалеко от въезда на территорию тюрьмы. Вероятно, готовятся какие-то новые беспорядки. Вдруг американец заявляет, что полиция действует не очень правильно. По его мнению, пост надо было поставить в другом месте, дополнительно перекрыв подходы к служебным зданиям, относящимся к тюрьме. Меня удивила такая профессиональность. Оказывается, Пайкл несколько лет служил в американской полиции, в подразделении, которое специализировалось на борьбе с беспорядками и демонстрациями. Он принялся рассказывать, какие средства защиты есть у американских полицейских, как они проходят подготовку. Пайкл очень удивился, услышав от меня, что в Советском Союзе у милиционеров нет дубинок, заметив при этом, что это должны быть очень мужественные люди. Американец поведал, что среди демонстрантов всегда есть провокаторы, которые только и выбирают удобный момент, чтобы завести толпу на стычку с полицией. Эта область деятельности совсем незнакома для меня, поэтому я слушал Пайкла с большим любопытством. А он, встретив знакомую для себя тему, без остановки с удовольствием делился историями из своей жизни. Я понял, что встреча двух президентов для этого американца, а может, и не только для него, стоит по важности далеко не на первом месте, если вообще стоит.

* Встреча Р. Рейгана и М. С. Горбачева в Рейкьявике 11–12 октября 1986 года считается важным шагом на пути заключения соглашения об ограничении стратегических вооружений, ее называют «первым шагом к завершению эпохи холодной войны».

Через некоторое время смена Пайкла в блоке закончилась и он ушел продолжать дежурство на ворота. На дежурство в блок пришел француз Одуэн и сразу направился в кресло возле камеры заключенного.

Нюрнбергский трибунал, 16 октября

С 0.00 часов дежурю старшим смены. «Номер семь» спит. Сияя лампа тускло освещает камеру, что не мешает сну, но позволяет наблюдать за заключенным через окно в двери. Судя по всему, сон спокойный, ничто не тревожит заключенного, кошмары не мучают. А ведь сегодня исполняется ровно 40 лет со дня казни товарищей «заместителя фюрера», осужденных вместе с ним Нюрнбергским трибуналом*.

Международный военный трибунал был создан после завершения Второй мировой войны в соответствии с соглашениями, достигнутыми между правительствами Великобритании, Франции, СССР и США 8 августа 1945 года в Лондоне. Позднее к соглашениям присоединились еще 19 государств. Дела главных немецких военных преступников Международный военный трибунал рассматривал в немецком городе Нюрнберге с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года. Суду были преданы 24 главных нациста: Герман Геринг, Рудольф Гесс, Иоахим фон Риббентроп, Роберт Лей, Вильгельм Кейтель, Эрнст Кальтенбруннер, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Юлиус Штрейхер, Вильгельм Фрик, Вальтер Эммануэль Функ, Ялмар Шахт, Густав фон Крупп унд Болен унд Гальбах, Карл Дёниц, Эрих Рэдер, Бальдур фон Ширах, Фриц Заукель, Альфред Йодль, Франц фон Папен, Артур Зейс-Инкварт, Альберт Шпеер, Константин фон Нейрат, Ганс Фриче, Мартин Борман.

* Приговор Нюрнбергского трибунала был приведен в исполнение в ночь на 16 октября 1946 года.

Трое из подсудимых на суде не присутствовали:

Лей — находясь в тюрьме, еще до начала процесса покончил жизнь самоубийством; Крупп — был признан неизлечимо больным, и дело в отношении его было прекращено; Борман — не был обнаружен, поэтому его дело рассматривалось заочно.

Международный военный трибунал предъявил подсудимым обвинения по следующим разделам:

1. Преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений.

2. Военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев ведения войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся

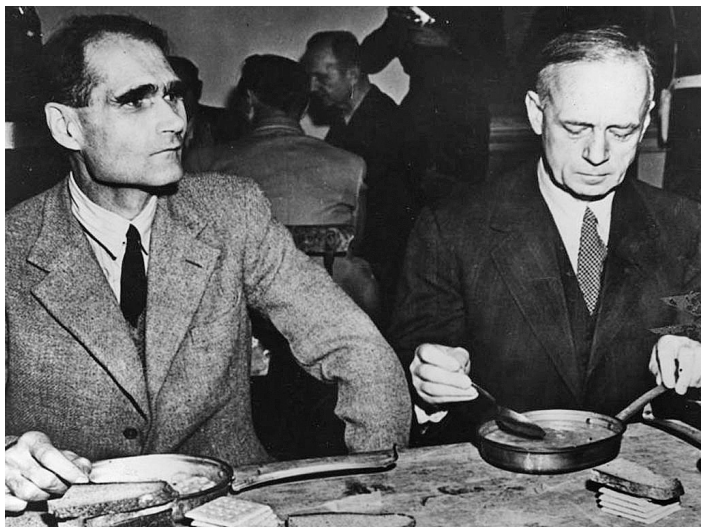
Американские следователи допрашивают Рудольфа Гесса при подготовке Нюрнбергского процесса

в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления.

3. Преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

4. Общий план или заговор, а именно: участие в составлении или осуществлении общего плана или заговора, направленного на свершение любых из вышеупомянутых преступлений.

В начальной стадии трибунала подсудимый Гесс симулировал потерю памяти, но вскоре заявил суду о ее полном вос-

Подсудимые Р. Гесс и И. фон Риббентроп
на обеде в Нюрнбергской тюрьме

Нюрнбергская тюрьма в 1945 году. Здесь содержались
главные нацистские преступники во время процесса
Международного военного трибунала

становлении. Больше всего такое поведение смутило адвоката обвиняемого доктора Гюнтера фон Роршейдта. Он строил всю свою защиту на том, что его подопечный болен и не может предстать перед судом. После такого выступления вся стратегия защиты рухнула, не успев толком начаться. А вскоре доктора фон Роршейдта сменил молодой адвокат Альфред Зайдль, уже защищающий другого подсудимого — Франка.

Но и после этого случая присутствующие на заседаниях трибунала обращали внимание, что Гесс периодически был как бы равнодушен к процессу и даже не слушал перевод хода заседания, сняв наушники. Однако, учитывая, что Гесс кроме немецкого языка владел также английским и французским, официальный перевод был ему не всегда нужен.

По предъявленным обвинениям Международный военный трибунал вынес следующие приговоры:

трое подсудимых — Шахт, Папен и Фриче — были признаны невиновными;

Рудольф Гесс просчитался и в том, что его записка дойдет до средств массовой информации, а значит, до широкой общественности. Записка писалась в расчете на то, что он останется жить. В этом случае содержание записки никто подменить не смог бы. А так она исчезла бесследно навсегда. Что же все-таки на самом деле было написано в предсмертной записке Рудольфа Гесса? Это остается последней тайной Шпандау.

Часть 1. Дневник надзирателя Шпандау	7
Первое знакомство (7 января 1986 года).....	7
Глава 1. Заключенный номер семь (Январь 1986 года).....	10
Глава 2. Заместитель фюрера (Февраль 1986 года).....	50
Глава 3. Полет в Великобританию (Весна 1986 года).....	84
Глава 4. Несостоявшийся миротворец (Лето 1986 года)...	110
Глава 5. Нюрнбергский трибунал (Осень 1986 года).....	132
Глава 6. Безумец или симулянт? (Зима 1986/87 годов).....	156
Глава 7. Нераскаявшийся нацист (Весна 1987 года).....	184
Глава 8. Пароль «Парадокс» (Лето 1987 года).....	208
Прощай, Шпандау! (1 сентября 1987 года).....	233
Часть 2. Смерть Гесса: документальное расследование	237
Глава 9. Смена времен (2017 год).....	237
Глава 10. Неизвестные документы Нюрнбергского процесса.....	254
Глава 11. Операция «Теннисон».....	281
Глава 12. Зачем фальсифицировали материалы расследования?.....	316
Глава 13. Обстоятельства смерти: факты и домыслы.....	340
Глава 14. Последняя тайна Шпандау: реконструкция событий 1987 года.....	361